

Большой театр. — 2000. — 30
март (№9-10).
С.Ч.

Вспоминая Алексея Алексеевича Варламова

К 80-летию со дня рождения

Не скрою, я смущен, что мне приходится говорить об Алексее Алексеевиче Варламе. Официально мы занимали разное положение — он был педагогом и артистом балета, я — ведущим солистом, но для меня Варламов всегда был педагогом.

А еще Алексей Алексеевич был необыкновенно разносторонним человеком — и балетмейстером, и организатором, и общественным деятелем, и редактором газеты «Советский артист». Обо всех гранях его деятельности рассказать просто невозможно.

С Алексеем Алексеевичем мы много лет жили в одном доме, я близко знал его. Для меня, человека, приехавшего в Москву из провинции — из Новосибирска, и попавшего в Большой театр, такие люди, как А. А. Варламов, А. И. Радунский, С. В. Шашкин, казались необыкновенными. Все они были значительно старше меня, но общение с этими многогранно образованными людьми, все знавшими в балете и театре, было притягательно.

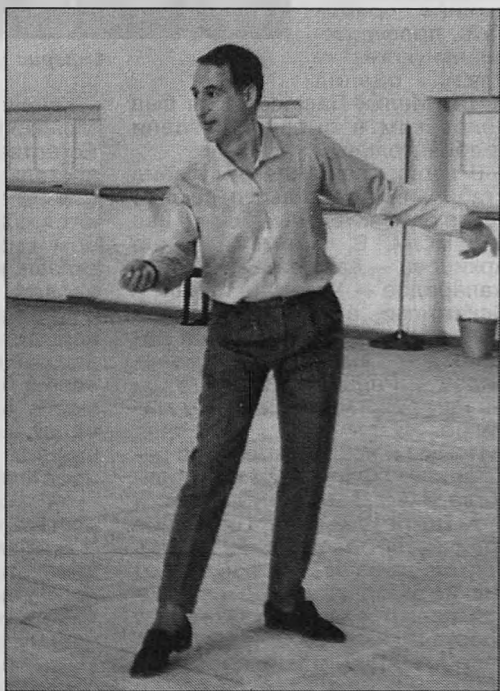
У меня долго сохранилось впечатление, что в партию люди вступают ради карьеры. Этого нельзя сказать об Алексее Алексеевиче — он пришел в партию, веря в правильность избранного пути. Он был очень открытым человеком, который любил и умел общаться. Может быть, это даже было его призвание. Что касается его полемического, ораторского дара, он умел быть убедительным и мог на этом сделать карьеру. Но... Алексей Алексеевич был заражен любовью к балету.

Поэтому из всей его необъятной деятельности педагогика — то, что Варламову удавалось больше всего. Конечно, у него были нереализованные исполнительские и балетмейстерские амбиции: мы знаем, что такое война, и понимаем, что значит для танцовщика провести несколько лет без тренажа, тем более — провести их на фронте, получив ранение. Но жить — это значит быть востребованным, быть необходимым окружающим. У Алексея Алексеевича было огромное желание учить (не поучать!) и, помимо этого, быть востребованным, быть лидером, и у него был особый склад ума и Богом данный дар педагога. Он смог его реализовать, несмотря на то что в это же время рядом, в соседних залах, в театре преподавали П. А. Гусев и А. М. Мессерер.

Конечно, у Варламова не было такого артистического багажа, как у Мессерера. Он не был так техничен, как Мессерер. Но он владел колоссальным опытом и традициями. Я не помню Варламова на сцене. Но, попав к нему в класс, увидел, что на уроке он сам делает и двойные sautes de basque, и двойные туры, которых не исполнял на сцене. Теперь, когда я уже сам много лет преподаю,

даю, понял: есть вопросы, над которыми не задумываешься, когда танцуешь, но на них необходимо ответить, если учишь других. И, думая об Алексее Алексеевиче, я вспоминаю свой любимый афоризм: «Великие танцовщики делают историю, а кордебалет определяет культуру театра». Наверное, поэтому образцовый классический танцовщик Николай Фадеев ходил в класс к Варламову, хотя рядом преподавал Мессерер. Не помню, чтобы Алексей Алексеевич делал Фадееву замечания, но Николай сам вбирал в себя его советы. Это — идеальный вариант взаимоотношений учителя и ученика, о котором мечтает каждый педагог.

Когда я перешел из класса Мессерера к Варламову, мне было не просто привыкнуться к его требованиям — все казалось неудобным. В классе Асафа Михайловича царила свобода: он задавал комбинации — очень логичные — и делал лишь отдельные замечания. Урок шел спокойно, неторопливо. У Варламова все было наоборот. Он не давал ученикам покоя ни на

Класс дает А. Варламов.

минуту. Это был класс-урок, почти школьный, не такой танцевальный, как у Мессерера, но в нем царили напор и темп. Алексей Алексеевич не просто задавал движения — он их разбирал, раскладывал, говорил о непривычных для нас вещах — о силе тяжести, о центробежной силе. Его разум прошел через тело, он создал собственную методику танца. На меня эти уроки произвели необыкновенное впечатление.

Так же, как и Мессерер, Варламов во мне живет до сих пор — с его навыками, его подходами к движениям, его философией, заключавшейся в понимании своего места в театре. И конечно, я часто вспоминаю Алексея Алексеевича — прекрасного собеседника, рассказчика, человека, наделенного большим чувством юмора.

Геннадий ЛЕДЯХ,
заслуженный артист России.